

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-119-129

Японское университетское сообщество в международном окружении: маневры или курс на снижение?

Л.В. Жилина

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Омск, Российская Федерация

В статье рассматриваются вопросы, с которыми в последние годы сталкиваются японские университеты, стремящиеся попасть в первые строки рейтингов.

Начиная с 2003 г. мировая университетская система вступила в новую фазу своего развития, когда вузы начали получать публичную оценку в глобальных рейтингах университетов. Для многих стран, в том числе и Японии, попадание в их топ-лист стало чуть ли национальной целью. Из новых проблем, возникших в течение последних лет, наиболее важной является «интернационализация» японских университетов, и наиболее очевидным проявлением этой тенденции стал растущий интерес японских вузов к мировым университетским рейтингам. В Японии интернационализация стала приоритетом и для университетов, и для правительства, потому что она рассматривается как признак глобальной конкурентоспособности. С 2000 г. японское правительство представило ряд законодательных и политических инициатив, направленных на повышение автономии и управленческого потенциала вузов, на повышение их оценки и повышение их качества, а также на развитие конкурентоспособных на международном уровне исследований, проводящихся в центрах передового опыта и аспирантуре. Для того чтобы решить эту проблему, правительство Японии решило увеличить число иностранных студентов с нынешних 100 000 до 300 000 к 2020 г.

Тем не менее, в то время как вузы других стран Восточной Азии вырываются вперед по разным показателям, рейтинг японских университетов идет по нисходящей траектории.

Чтобы стать более конкурентоспособной, Японии необходимо открыть двери своих университетов и активно работать в направлении привлечения новых и талантливых исследователей и студентов из-за рубежа, также целесообразно увеличить количество курсов, доступных на английском языке. Вместе с тем следует отправлять больше японских исследователей и студентов за рубеж, чтобы стимулировать их исследовательскую деятельность и улучшить, таким образом, стандарты, требующиеся для повышения рейтинговых позиций.

Ключевые слова: японские университеты, международное сотрудничество, рейтинги

Сегодня университеты и системы высшего образования каждой страны стали частью всемирной сети. Существование этой сети поддерживается не только принципами универсального характера знаний и обучения, но и мобильностью исследователей и студентов, их миграциями из одной страны в другую. Студенты и исследователи становятся все более мобильными, а конкуренция по привлечению в свои вузы самых талантливых студентов и исследователей является все более интенсивной [Скотт 2000: 3—8]. Глобализация высшего образования направлена,

в первую очередь, на создание единого планетарного образовательного рынка, а основным инструментом является конкурентная борьба за потребителя образовательных продуктов и услуг. В силу этого ключевым игрокам для продвижения продукции необходимо преодолевать языковые барьеры, особенности менталитета, национальные культурные и педагогические традиции [Воейкова, Лукьянова 2013: 159—167; Kuroda 2016: 141—156]. В этой ситуации правительства многих стран стремятся повысить качество своих систем высшего образования и улуч-

шить репутацию университетов на мировом рынке [Eades, Nada 2005; Hazelkorn 2011]. Чем лучше репутация вуза, чем больше у него возможностей удерживать своих и привлекать талантливых иностранных преподавателей, исследователей и студентов, тем выше его способности к формированию собственного значительного вклада в развитие экономики и общества страны. И Япония в этом не стала исключением.

Рейтинги: всё по плану?

Очевидно, что университеты, занимающие в популярных рейтингах первые места, могут рассчитывать на большой приток студентов даже при высокой стоимости обучения и, следовательно, на более высокий доход [Варшавский, Комкина 2011: 94—100]. Поэтому в «Плане реформирования госуниверситетов 2013—2015 гг. и вплоть до 2020 г.» Министерство образования, культуры, спорта и технологий Японии (*МEXT*) призвало приложить все усилия к тому, чтобы, по крайней мере, 10 японских вузов вошли в мировые рейтинги Топ-100 в течение ближайших 10 лет¹.

После такой установки рейтинги стали упоминаться в качестве целевого показателя в стратегии развития Японии во всех связанных с вузами государственных планах, программах, а значение, признание и популярность рейтингов стали быстро возрастать. Все больший вес в академических кругах страны приобретают дискуссии о разработке и реализации эффективных стратегий развития конкурентоспособных вузов. Но это стало и источником определенных проблем для самих японских вузов. Далее объясним, почему это происходит.

На протяжении многих лет государственные университеты Японии существовали под непосредственным контролем *МEXT*. Их преподаватели нередко были государственными служащими, а университеты имели очень мало реальной автономии в плане принятия бюджетов и решений по найму профессорско-преподавательского состава. Но именно госуниверситеты первыми и почувствовали на себе влияние растущей международной конкуренции, именно они

достигают пока самых высоких оценок в рейтингах лучших университетов мира [Жилина 2015: 19—24]. Однако 2016 г. серьезно пошатнул и их позиции в рейтингах *THE*² и *QS*³. Заметное снижение отмечается в рейтинге *THE*, который формируется на основании 13 индикаторов, объединенных в 5 групп, отражающих ключевые показатели высшей школы: образование, исследования, цитируемость, доход от НИОКР и интернационализация. Данные для него собираются из трех источников: статистическая информация от университетов, библиометрическая база Scopus и опрос академических экспертов. Здесь Токийский университет опустился с 23-го (2015) до 43-го места (2016) и только к 2017 г. смог отвоевать четыре позиции, поднявшись на 39-е место. Университет Киото — с 59-го опустился до 88-го, а к 2017 г. еще больше сдал свои позиции и занял только 91-е место. Университет Тохоку, занимавший в 2015 г. 165-ю строку, к 2016 г. попал в группу 201—250 и там и «застрял» по сей день.

Значительное ухудшение позиций японских вузов (за исключением улучшивших показатели Токийского технологического института и Университета Васэда) отмечается и в рейтинге *QS*, который оценивает вузы по активности и качеству научно-исследовательской деятельности, мнению работодателей, карьерному потенциалу, уровню преподавания и интернационализации. Перечисленные показатели охватывают ключевые стратегические миссии университетов мирового уровня. Причина же отрицательной динамики японских вузов в первую очередь кроется в изменении методики подсчета второго по значимости критерия — индекса цитируемости научных работ.

Существует экспертное мнение, что статистика цитирования является простым и объективным методом оценки научных исследований и легко подвергается ранжированию. Индекс цитирования используется для оценки университетов, в том числе в международных рейтингах

¹ MEXT: National University Reform Plan. URL: http://www.mext.go.jp/english/topics/_icsFiles/afielddfile/2014/03/13/1345139_1.pdf (accessed: 07.09.2017).

² THE World University Rankings — рейтинг Times Higher Education. URL: <https://www.timeshighereducation.com> (accessed: 07.09.2017).

³ QS World University Rankings — рейтинг Quacquarelli Symonds. URL: <https://www.topuniversities.com> (accessed: 07.09.2017).

вузов. При этом, как отмечают некоторые эксперты [Macdonald, Kam, Aardvark et al. 2007: 702—717], статистические данные, связанные с цитированием, могут быть некорректно истолкованы при определении рейтинга как журналов, так и статей в них. Так, по мнению Филипа Кембела [Campbell 2008: 5—7], главного редактора журнала *Nature*, показатель цитируемости является неточным при оценке качества исследования, так как существуют дисциплины с характерно низким показателем уровня цитируемости на статью, в частности физика. Это, в свою очередь, ведет к ошибкам при ранжировании университетов в рейтингах, использующих показатели цитирования. Таким образом, появляется возможность влиять на данный показатель: если статистика цитирования играет значительную роль в оценке вузов, то авторы, редакторы и издатели находят способы управлять этим показателем [Lawrence 2008: 9—11].

До недавнего времени рейтинг *QS* не учитывал разницу подходов к публикации научных работ в разных научных сферах, однако с 2015 г. была внедрена процедура нормализации, уравнивающая показатели различных дисциплин, что снизило «влиятельность» таких наук, как биология и медицина, и повысило значимость технических наук. Это во многом и обусловило текущую динамику мест японских вузов в мировом рейтинге⁴. А другой «раскрученный» рейтинг *THE* — *Thomson Reuters* оказался в значительной степени ориентирован на оценку исследовательской деятельности вузов, где исследовательский вклад и объем исследований в сумме дают 60% общей оценки (из них 30% — научное цитирование⁵). В этом показателе до недавнего времени применялась нормализация по странам с учетом языка и культуры, однако «вес» данной корректировки был сокращен наполовину, что и привело к значительному снижению оценки всех японских вузов, уступающих среднему мировому показателю по числу цитирований.

⁴ См.: Shirabe M. Global University Rankings: How Are They Measured? URL: <http://www.nippon.com/en/in-depth/a05102/> (accessed: 03.05.2017).

⁵ Общее число ссылок на работы ученых вуза за 6 лет делится на общее число работ. Показатель нормализован по научным областям. В рейтинг не входят вузы, чьи сотрудники публикуют менее 200 работ в год.

Естественный подход к естественным наукам

Издательский дом *Springer Nature*, издающий ведущий научный журнал мира *Nature*, ежегодно представляет обновленный рейтинг публикационной активности научных организаций — *Nature Index Global*. Используя базу *Nature Index*⁶, он показывает вклад страны и научной организации в авторство статьи, а также выявляет степень взаимодействия между научными организациями⁷. Рейтинг основан на публикациях в 68 элитных научных журналах по естественным наукам — астрономия, физика, химия, науки о жизни, науки о Земле. По замыслу авторов он дает представление о вкладе страны или организации в развитие мировой науки. В основном это вузы США, Китая, Германии, Великобритании, Японии (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Рейтинг публикационной активности научных организаций (Nature Index Global) февраль 2016 г. — январь 2017 г. (по странам) / Nature Index Global February, 2016 — January, 2017 (countries)

Страна / Country	AC	FC	WFC
1. США / USA	25 421	17 865,85	15,794
2. Китай / China	9 712	6 861,83	6,462
3. Германия / Germany	8 941	4 377,61	3,770
4. Великобритания / Great Britain	8 307	3 890,22	3,193
5. Япония / Japan	4 656	2 957,04	2,687

AC (Articles Count) — число статей. Стране, где автор опубликовал статью, и научной организации, которую автор указал в качестве аффилиации, присваивается AC = 1. FC (Fractional Count) — вклад института или страны в статью. FC всей статьи равен 1 и делится поровну между всеми соавторами. Чем больше соавторов у статьи, тем меньше вклад каждого. WFC (Weighted Fractional Count) — взвешенный дробный показатель для статей по астрономии. Вычисляется по формуле $WFC = FC \cdot 0,2$.

Источник: составлено автором на основе данных Nature Index. / Source: compiled by the author based on the data of Nature Index.

⁶ Nature Publishing Index NPI с 2009 г. использовался для оценки только организаций АТР. Сейчас оценивает вузы, НИИ во всем мире. NPI показывает место в зависимости от количества статей в журналах Nature.

⁷ Мониторинг 8000 вузов проводит программный робот NI. Оценивается число работ за год или 2—3 предыдущих.

Таблица 2 / Table 2

Изменение WFC Японии и Китая в 2012—2016 гг. (по данным Nature Index) /
Change of WFC of Japan and China in 2012—2016 (by Nature Index)

Страна / Country	Год / Year					WFC / ΔWFC
	2012	2013	2014	2015	2016	
ЯПОНИЯ / JAPAN	3,443	3,367	3,222	3,058	2,765	WFC
Изменение WFC / WFC Change	—	-2,2%	-4,3%	-5,1%	-9,59%	ΔWFC
КИТАЙ / CHINA	4,523	5,204	6,184	6,480	6,508	WFC
Изменение WFC / WFC Change	—	+15,4%	+18,8%	+4,8%	+0,42%	ΔWFC

Источник: составлено автором на основе данных Nature Index / Source: compiled by the author based on the data of Nature Index.

По сумме мест, набранных университетами стран в предыдущие годы, определяют лучших «в виде исключения». Так, например, эксперты отмечают за последние 3 года рост достижений Польши и России, каждая из которых улучшила свои научные результаты на 35 единиц. Это рекорд среди показателей стран мира⁸. Если же говорить о Японии, то с 2012 г. доля ее научных публикаций в журналах с высоким уровнем цитирования значительно упала: после 4-й строки в *Nature Index* в 2014 г. она опустилась на 5-ю в 2015 г., и хотя и осталась на этой позиции в первой половине 2017 г., но ее показатели в базе данных исследований в области естественных наук неуклонно снижаются. Для сравнения: Китай все эти годы стабильно остается на 2-й строке рейтинга и показывает неплохой рост *WFC* публикаций (см. табл. 2). В рейтинге же по публикационной активности среди университетов в самой Японии неизменно лидирует Университет Токио (*UTokyo*) с большим отрывом (почти в 2 раза) от Университета Киото (*Kyoto University*)⁹.

Для Японии в вопросе оценки национальных университетов мировыми рейтингами стало настоящей катастрофой безусловное численное доминирование англоязычной зоны и то, что крупнейший индекс цитирования (*Thomson's Web of Science*) и индекс публикационной активности (*Nature Index*) покрывают преимущественно данный сектор мирового научного сообщества. Это превращает публикации и цитирование в англоязычных изданиях практически в синоним «интернационального признания». В настоящее вре-

мя степень этого признания является предметом пристального внимания ученых, администраторов и политиков в силу одного ключевого обстоятельства. Доля ученых из данной страны в общем потоке англоязычных публикаций и цитирований может рассматриваться как мера ее интернационального интеллектуального «веса», а в пересчете на единицу исследовательского персонала и финансирования — как оценка эффективности организации науки в ней¹⁰.

И здесь, как мы можем понять, высота языкового барьера для японских исследователей и ученых зависит от специфики дисциплины: чем «естественнее» наука, тем меньше в ней требований к языковым ресурсам и, соответственно, проще публикация. Влияние же относительных свойств национальной и интернациональной аудиторий более противоречиво. Национальное академическое сообщество и его относительное экономическое процветание делают обращение к нему более привлекательным, чем обращение к аутсайдерам: в нем каждый может найти для себя аудиторию и шансы на то, что удачные публикации и выступления обеспечат его карьерные перспективы. Размер и уровень экономического благосостояния в этом смысле влияют на интернациональную «видимость» (*visibility*) в прямо противоположных направлениях. И, похоже, рейтинг Японии упал не только в *Nature Index*...

Тренд на снижение?

В 2000 г. правительство Японии объявило о начале реализации многоступенчатой стратегии интернационализации, направленной на повыше-

⁸ См.: Орловский О. Рейтинг развития науки в странах мира. URL: <http://stop-news.com/nauka/rejting-razvitiya-nauki-v-stranah-mira> (дата обращения: 24.05.2017).

⁹ Nature Index Global. URL: <https://www.natureindex.com/supplements/nature-index-2017-japan/tables/institutions> (accessed: 18.05.2017).

¹⁰ См.: Соколов М. Восточноевропейские социальные науки на интернациональных рынках идей. URL: <http://polit.ru/article/2009/05/21/ideas/> (дата обращения: 18.05.2017).

ние рейтинга японских университетов. Подобная политика привела к разработке проектов интернационализации, ориентированных на такие исследования, как *21st Century Center of Excellence* и *Global COE*¹¹, целью которых стала концентрация бюджета и экспертных знаний в отдельных исследовательских программах. *Global COE* содействовала осуществлению десяти проектов, бюджет которых составлял 50—300 млн иен (от 350 тыс. до 2 млн евро) в год на каждое учебное заведение в течение 5 лет. С 2007 г. *The World Premier International Research Centre Initiative (WPI)* поддерживает 9 научно-исследовательских проектов с бюджетом от 1,3—1,4 млрд иен (9—9,8 млн. евро) на один проект в год с поддержкой в течение 10—15 лет. Также *Strategic Fund for Establishing International Headquarters in Universities* (Стратегический фонд для создания международных штаб-квартир при университетах), начавший работать в 2005 г., впервые использовал слово «стратегический» в контексте интернационализации. *MEXT* выделило бюджет в размере 10—40 млн иен (70—280 тыс. евро) в расчете на 5 лет на каждое учебное заведение из 20 отобранных университетов для их «стратегической интернационализации». Но за последние годы в условиях слабой экономики страны и растущих потребностей социального обеспечения японское правительство ужесточило выделение средств на науку. И хотя с 2005 г. был увеличен размер конкурсных грантов, присуждаемых ученым для исследовательских проектов, одновременно сократились ключевые фонды финансирования (гранты на управление), на которые госуниверситеты и исследовательские институты могли рассчитывать в плане программы повышения конкурентоспособности.

Кроме того, возникла нехватка вспомогательного персонала, так что квалифицированные специалисты вынуждены выполнять много рутинной работы, в результате чего у них остается меньше времени на творческие процессы. При сравнении уровня ведущих японских и американских ученых нельзя было отдать безусловное предпочтение американцам — и в Японии есть ученые столь же высокого класса. Однако проблема японской науки заключается в том, что

их довольно мало, тем более для страны с такой большой численностью населения [Денисов 2009: 88—102]. И здесь тоже наметилась неутешительная тенденция: по состоянию на 31 марта 2016 г. общее число исследователей в Японии составило 847 100 чел., что на 2,3% меньше, чем годом ранее, — число исследователей в стране сократилось впервые за 3 года. И это тоже не может не настораживать.

Шаг вперед

Усилия японского правительства в направлении открытости высшего образования не новы, но в последние годы они стали более активными. Безусловно, государства, вовлеченные в разнообразные программы международного образования, преследуют свои внешнеполитические и экономические интересы [Ота, Horiuchi 2017: 108—129]. Международные обмены уже превратились в способ демонстрации «лица» государства, которое предлагает другим странам образовательные программы, и в метод расширения политического и экономического влияния [Мазурова 2000]. В Японии расходы на науку сокращаются, но объем средств, имеющихся в распоряжении высших учебных заведений для реализации задач глобализации, увеличивается: с 1,9 млрд иен в 2006 г. до 9,34 млрд иен в 2016 г. В 2009—2013 гг. *MEXT* учредило проект *Global-30* для 30 ведущих университетов, предлагая им финансирование для создания учебных курсов на английском языке, которые на фоне усиления конкуренции со стороны других стран будут привлекать иностранных студентов¹².

Иными словами, цель программы заключается в том, чтобы создать условия, благоприятные для обучения иностранных студентов в Японии, а также в целом укрепить международную конкурентоспособность страны, применяя стратегию согласованного подхода: опора на долгосрочное международное сотрудничество, реализующееся

¹¹ Global COE Programm. URL: <http://www.jsps.go.jp/english/e-globalcoe/> (accessed: 18.05.2017).

¹² Так как число учебных курсов в вузах на англ. яз. выросло с 100 (2009) до 300 (2013), то и число студентов за рубежом выросло с 23 083 до 28 000 чел. Но и это весьма скромное увеличение числа иностранных студентов за 5 лет обошлось японским налогоплательщикам в 14,7 млрд иен. Однако к 2013 г. доля иностранных студентов (3,4%) оставалась ниже среднего показателя по ОЭСР (9%).

посредством повышения мобильности как студентов, так и преподавателей, программ обмена и партнерских соглашений [Rose, McKinley 2017: 1—19]. Фундаментальным положением этой стратегии является не конкуренция, а налаживание сотрудничества. При этом акцент программы делается не только на стимулирование процессов притока академических кадров в Японию, но и усиление мобильности японских студентов, внедрение стратегии расширенных возможностей, которая призвана поощрять получение образования за рубежом. Рычагами здесь служат мероприятия, направленные на поддержку мобильности студентов, а также ученых и преподавателей.

В 2014 г. *МЕХТ* запустило еще одну программу, призванную решить вопрос по признанию японских высших заведений и продвижению как можно большего числа японских университетов в рейтинг 100 лучших вузов мира. Проект *Top Global University*, который часто называют программным проектом *Super Global University*, финансирует 37 университетов, чтобы они смогли изменить свои организационные структуры для углубления связей с международными институтами. 13 вузов «А-типа» (многие из которых входят в первую десятку вузов Японии) с 2015 по 2023 г. будут получать до 500 млн иен в год, чтобы прорваться в Топ-100 рейтинга *THE*. Вузы «А-типа» будут стремиться создавать совместные проекты с зарубежными учреждениями «высшей пробы», а еще 24 университета «В-типа» получат до 300 млн иен, чтобы использовать свои уникальные сильные стороны для внесения вклада в экономику страны. По мнению специалистов, правительство оценивает эффективность таких программ, как *Global-30*, только по языку цифр, когда уже давно необходимо создать новые параметры оценивания, чтобы понять, какие университеты реально готовят конкурентоспособные кадры для мирового сообщества.

Стремление соответствовать растущему темпу развития науки порождает новые формы организации исследовательской деятельности — создание международных центров передовых исследований. На этом фоне, возможно, наиболее успешной программой по содействию интернационализации является проект *World Premier Initiative (WPI)*, объединивший 9 институтов. Он

был запущен *МЕХТ* еще в 2007 г. в стремлении создать в Японии «глобально значимые» исследовательские центры, имеющие очень высокий научно-исследовательский стандарт и выдающуюся исследовательскую среду, достаточно привлекательную для того, чтобы именитые исследователи со всего мира захотели в них работать. В этих центрах, где официальный язык — английский, в среднем 40% исследователей — это специалисты, приглашенные из-за рубежа. Более того, центрам дается высокая степень автономии, что позволяет им практически революционизировать традиционные способы исследования и администрирования в Японии. Так, с 2007 по 2013 г. институты *WPI* публиковали 4,63% самых цитируемых в мире работ, а это третий (после Университета Рокфеллера и Массачусетского технологического института) по величине вклад по категории «цитирование: исследовательское влияние».

Конечно же, японское правительство выбрало верный путь, но многие аналитики и исследователи говорят, что этих усилий недостаточно. По их мнению, требуется еще больше реформ, чтобы исследовательские институты и университеты могли самостоятельно принимать решения относительно своей собственной структуры¹³.

Интернационализация: широко распахнув двери

В Японии понимают, что университеты в условиях глобализации связывает не только конкуренция, но и сотрудничество [Patterson 2005] и для возрождения академической конкурентоспособности необходимо провести ряд инициатив в научно-образовательной интернационализации. Инициатором здесь также выступает *МЕХТ*, продвигающее сектор высшего образования для привлечения большего числа иностранных сотрудников и студентов и проводящее реформы, направленные на создание более конкурентоспособной исследовательской среды. Ведь интернационализация в образовании приводит к завязыванию партнерских отношений

¹³ Fuyuno I. Japan: Can it Stop the Decline? URL: <https://www.natureindex.com/news-blog/can-japan-halt-the-decline> (accessed: 18.05.2017).

между университетами на международном рынке, при этом сами международные партнерства являются своеобразным способом интернационализации [Knight 2003].

Интернационализация вузов — тема многих правительственных инициатив, в которых подчеркивается важность этого вопроса с точки зрения национальной политики в области образования [Hudzik 2015]. Первоначально эти инициативы были нацелены на увеличение приема ученых и студентов из других стран, однако в объявленном в 2013 г. национальном стратегическом плане была поставлена и новая цель — развитие глобальных человеческих ресурсов. Она находит отражение и в текущих проектах интернационализации высшего образования в Японии. Уникальность ситуации в том, что японское правительство и вузы, похоже, не ожидали, что интернационализация приведет к росту их собственных доходов [Kuroda, Yuki, Kang 2014: 55—79]. Сегодня в качестве стимулов для вузов выступают не только извлечение прибыли от оказания образовательных услуг и личностное развитие граждан страны, но и вклад в экономическое развитие, совершенствование рынка труда, приобретение внешнеполитических преимуществ, популяризация национальной культуры, институциональное совершенствование, а также повышение качества самого образования, что служит лифтом для японских университетов в мировых рейтингах [Yonezawa 2012: 125—143].

Согласно вступившему в силу в апреле 2016 г. Пятому научно-техническому базовому плану японского правительства, по которому страна должна стать «более интернациональной», 800 университетам страны «настоятельно предлагалось» рассмотреть более глобальные перспективы сотрудничества и привлечь большее число молодых и иностранных ученых. Впрочем, оказалось, что, несмотря на все усилия по привлечению иностранных сотрудников и студентов, Японии все же трудно идти в ногу со временем в условиях глобальной конкуренции. Вот почему в одном из докладов ОЭСР¹⁴

¹⁴ OECD — Organization for Economic Co-operation and Development.

прозвучал призыв к Японии лучше интегрироваться в «глобальные инновационные сети»¹⁵ и было отмечено, что доля ученых, иммигрировавших в Японию, является одной из самых низких из 35 стран — членов организации. И как результат — очень низкий уровень соавторства академических статей и международных совместно разработанных патентов¹⁶. Привлечение на работу талантливых исследователей из-за рубежа остается ключевой задачей для Японии и по сей день.

«НЕУТЕЧКА МОЗГОВ»

В Японии задача повышения качества научных кадров через внутреннюю мобильность, а также через тесное взаимодействие науки и бизнеса стала актуальной лишь в последние два десятилетия. Общие цифры мобильности, в сравнении со странами G7, существенно более низкие. Это следствие действия системы «пожизненного найма» и соответствующего менталитета на предприятиях Японии. Эта система распространяется и на высококвалифицированных работников, в том числе исследователей.

Ситуация начала очень медленно меняться с 1990-х гг., когда в Японии стал практиковаться прием на работу на временной основе. Постепенное повышение мобильности трудовых ресурсов теперь подталкивается и существенно расширившейся практикой регулярной квалификационной отчетности и продления (или непродления) контрактов даже для занятых в организации в течение длительного периода. Вместе с тем остаются особенно привлекательными штатные должности, дающие гарантию практически бессрочного найма (особенно для доцентов и профессоров университетов). Не случайно и то, что Закон о временных контрактах, введенный в 1997 г., сначала не привел к существенным изменениям: через год во всех университетах всей страны лишь 99 (!) преподавателей были наняты на этих условиях. В последние годы количество временных контрактов стало быстро расти

¹⁵ В 2014 только 0,4% японских исследований и разработок финансировались за пределами страны.

¹⁶ См.: Munroe I. Japan's plan to cultivate more entrepreneurial scientists. URL: <https://www.natureindex.com/news-blog/japans-plan-to-cultivate-more-entrepreneurial-scientists> (accessed: 18.05.2017).

[Дежина 2016: 96—110]. В 2008 г. число преподавателей, работающих по контрактам, уже составляло 32,4 тыс. человек (20,1%), т.е. можно утверждать, что только через десятилетие сформировался особый сегмент рынка труда¹⁷. По выводам, сделанным после проведенного Национальным институтом науки и технологической политики (*NISTEP*) исследования, использование контрактов для найма исследователей со степенью доктора наук позитивно влияет на количество опубликованных ими работ. Однако у определенной части исследователей, особенно молодых, данные условия вызывают чувство тревоги и неуверенности в завтрашнем дне.

Впрочем, и сегодня многие молодые японские ученые не проявляют особого рвения к работе в исследовательских центрах и лабораториях за рубежом, из-за чего упускают возможность учиться у зарубежных ученых, флагманов западного научного мира. Они неохотно оставляют свои «насиженные места», так как после возвращения из-за границы конкуренция «за место под солнцем» в самой Японии оказывается весьма и весьма жесткой. По мнению некоторых специалистов, это своеобразный пост-эффект от 11 марта 2011 г.¹⁸ — молодые люди обеспокоены тем, что из-за серьезного спада в экономике страны, после возвращения из-за границы им будет очень трудно найти работу дома¹⁹. Все это так или иначе отразилось на научном потенциале страны в целом. Ведь участие в совместных проектах с зарубежными коллегами могло бы внести в научный ландшафт Японии свежие идеи, дать новый импульс для исследовательской работы в научных центрах уже по возвращении домой.

Безусловно, правительство «в курсе» всех этих проблем и помогает, используя свои административные рычаги, реализовать различные

программы по укреплению связей с зарубежными коллегами. *МEXT* находится в процессе пересмотра самых крупных конкурентных грантов Японии на научные исследования и оказывает большую поддержку совместным международным исследованиям. Кроме того, в этом году было выделено 5,6 млрд иен для «придания ускорения» обмену знаниями, дав возможность примерно 520 молодым японским ученым работать в течение двух лет за границей, а 1100 зарубежным исследователям — приехать в Японию²⁰. Однако существует опасение, что эти меры окажутся недостаточными из-за жесткого бюджета правительства, выделенного на науку, и поэтому многие из уже предпринятых попыток не приведут к желаемому — к росту университетского и научного рейтинга Японии.

***

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно понять, что лидирующие позиции в мировом «Табеле о рангах» занимают англоязычные вузы, в первую очередь университеты США, заставляя Японию играть «роль второго плана», что в том числе указывает на определенную необъективность применяемых методик ранжирования. Сложилась система лидирования англоязычных стран и вузов, осуществляющих преподавание на английском языке. Данная тенденция поддерживается давно сформировавшейся системой научного цитирования, при которой на Западе имеется пул журналов, публикации в которых учитываются при ранжировании. Кроме того, существует негативная практика, когда авторы этих журналов ссылаются друг на друга. Между тем статьи в некоторых национальных журналах могут не уступать по научному уровню англоязычным работам, но при этом они остаются за рамками систем цитирования. Налицо вестернизация, суть которой заключается в экспансии западной культуры на весь остальной мир, и она под влиянием глобализационных процессов стала одной из усиливающихся тенденций последнего времени [Воейкова, Лукьянова 2013: 164], что не могло не отразиться на невысоких рейтингах японских университетов.

²⁰ Fuyuno I. Japan: Can it Stop the Decline? URL: <https://www.natureindex.com/news-blog/can-japan-halt-the-decline> (accessed: 18.05.2017).

¹⁷ MEXT: Survey on University Reforms about Contents and Methods of Education Survey. 2008. URL: <http://www.e-stat.go.jp/SG1/estat/NewList.do?tid=000001011528> (accessed: 24.05.2017).

¹⁸ 11.03.2011 землетрясение на северо-востоке Японии привело к страшной аварии на АЭС Фукусима-1.

¹⁹ См.: Seinen Kaigai Kyoiryokutai, O I boshasu I ga Dai haba Gen Shinsai nado no Eikyo Ika (Japan Overseas Cooperation Volunteers, Big Fall in Number of Applicants, Impact of Triple Disasters?). Kobe Shimbun. 29.10.2011. URL: <http://www.kobe-np.co.jp/news/shakai/0004581310.shtml> (accessed: 24.05.2017).

Японский ученый, как и любой другой исследователь в неанглоязычном академическом сообществе, постоянно стоит перед выбором — публиковаться на родном языке или английском. Любой автор стремится к тому, чтобы писать на наиболее интересную тему с наименьшими издержками в процессе написания (к которым, безусловно, относится изложение своих мыслей на чужом языке) и обращаться к самой большой, компетентной и многообещающей (в смысле

карьерных перспектив) аудитории. Кроме того, нельзя не учитывать и то, что университеты иногда имеют определенную специализацию, и те или иные разделы науки в них представлены в разной степени. Все это делает применение стандартных библиометрических методов и систем при составлении рейтингов весьма сомнительным, усложняя и без того тернистый путь японских вузов на научный Олимп.

Библиографический список

- Варшавский А.Е., Комкина Т.А.* Оценка влияния индекса цитирования на рейтинги университетов // Экономика. Налоги. Право. Финансовый университет при Правительстве РФ. 2011. № 3. С. 94—100.
- Воейкова О.Б., Лукьянова А.А.* Глобализация образовательного пространства и ее влияние на национальные системы высшего образования // Вестник УРФУ. 2013. № 3. С. 159—167.
- Дежина И.Г.* Межсекторальная мобильность исследователей в России и мире // Вестник РГНФ. 2016. № 1. С. 96—110.
- Денисов Ю.Д.* Япония в инновационной гонке // Япония—2009. Ежегодник. ИВ РАН. 2009. С. 88—102.
- Жилина Л.В.* Японские университеты: лицом к глобализации // Азия и Африка сегодня. 2015. № 3 (692). С. 19—24.
- Мазурова Н.А.* Федеральные образовательные программы как инструмент внешней политики США: 1936—1999 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000.
- Скотт П.* Глобализация и университет // Альма-матер: Вестник высшей школы. 2000. № 4. С. 3—8.
- Campbell Ph.* Escape from the impact factor // Ethics in Science and Environmental Politics. 2008. No 8. P. 5—7.
- Eades R.G., Hada Y.* The 'Big Bang' in Japanese Higher Education: the 2004 Reforms and the Dynamics of Change. Sydney, Australia: Trans Pacific Press, 2005.
- Hazelkorn E.* Rankings and the reshaping of higher education: The battle for world-class excellence. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011.
- Hudzik J.* Comprehensive Internationalization: Institutional Pathways to Success. New York: Routledge, 2015.
- Night J.* Internationalization of Higher Education Practices and Priorities. Paris: International Association of Universities (IAU), 2003.
- Kuroda K.* Regionalization of higher education in Asia // The Palgrave Handbook of Asia Pacific Higher Education / ed. by C. Collins, M. Lee, J. Hawkins, D. Neubauer. New York: Palgrave Macmillan, 2016. P. 141—156.
- Kuroda K., Yuki T., Kang K.* The institutional prospects of cross-border higher education for East Asian regional integration: An analysis of the JICA survey of leading universities in East Asia // Emerging international dimensions in East Asian higher education / ed. by A. Yonezawa, Y. Kitamura, A. Meerman, K. Kuroda. Dordrecht, Netherland: Springer, 2014. P. 55—79.
- Lawrence P.A.* Lost in publication: how measurement harms science // Ethics in Science and Environmental Politics. 2008. No 8. P. 9—11.
- Macdonald S., Kam J., Aardvark et al.* Quality journals and gamesmanship in management studies // Journal of Information Science. 2007. No 33. P. 702—717.
- Ota H., Horiuchi K.* How accessible are English-taught programs? Exploring international admissions procedures // English-Medium Instruction in Japanese Higher Education / ed. by A. Bradford, H. Brown. Bristol: Multilingual Matters, 2017. P. 108—129.
- Patterson G.* Collaboration/competition crossroads: national/supranational tertiary education policies on a collision course // Tertiary Education and Management. 2005. Vol. 11. Iss. 4. P. 355—368.
- Rose H., McKinley J.* Japan's English-medium instruction initiatives and the globalization of higher education // Higher Education. 2017. Vol. 75. Iss. 1. P. 1—19.
- Yonezawa A.* Challenge for top Japanese Universities when establishing a new global identity: Seeking a new paradigm after "world-class" // Institutionalization of World Class University in Global Competition / ed. by J.C. Shin, B.M. Kehm. Springer, 2012. P. 125—143. DOI 10.1007/978-94-007-4975-7_8.

Дата поступления статьи: 17.11.2017

Для цитирования: Жилина Л.В. Японское университетское сообщество в международном окружении: маневры или курс на снижение? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 1. С. 119—129. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-119-129.

Сведения об авторе: Жилина Лариса Владимировна — кандидат исторических наук, доцент, факультет иностранных языков, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (e-mail: larissa-zhilina@yandex.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-119-129

Japanese Universities' Community in International Environment: Maneuvers or Heading Down?

L.V. Zhilina

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation

Abstract. The article discusses the issues that striving for getting on the first lines of ratings, Japanese universities have faced to face with in recent years.

Since 2003, when universities began to receive their public evaluation on the pages of global university ratings, the world university system has entered a new phase of its development. For many countries, including Japan, getting into the top-list of global ratings has become almost a national goal. Of the new issues that have emerged over the course of the past years, the most important at present is the “internationalization” of Japanese universities and the most obvious manifestations of this tendency are the increasing interest in world university rankings. At the same time in Japan internationalization has become both a universities and a government priority because it is seen as a sign of global competitiveness. Since 2000, the government has introduced a series of legislative and policy initiatives aimed at increasing institutional autonomy and management capabilities, enhancing evaluation and emphasizing quality, and developing internationally-competitive research via centres of excellence and graduate schools. To solve this problem the Japanese government decided to increase the number of international students from the current 100,000 to 300,000 by 2020.

However now the ranking of Japanese universities is on a downward trajectory, as universities elsewhere in East Asia catch up.

In order to become more competitive with universities in other countries, Japan needs to open up its universities and work positively to welcome more—and more talented—researchers and students from overseas, it also needs to increase the number of courses available in English. At the same time it needs to send more Japanese researchers and students overseas to stimulate their research and improve necessary for top-ranking standards.

Key words: Japanese universities, international collaborations, ranking problems

References

- Campbell, Ph. (2008). Escape from the impact factor. *Ethics in Science and Environmental Politics*, 8, 5—7.
- Denisov, Y.D. (2009). Japan in Innovation Race. *Japan 2009, Yearbook*, RAS, 88—102. (In Russian).
- Dezhina, I.G. (2016). Intersectotal Mobility of Researchers in Russia and the World. *Vestnik RGNF*, 1, 96—110. (In Russian).
- Eades, R.G. & Hada, Y. (2005). *The 'Big Bang' in Japanese Higher Education: the 2004 Reforms and the Dynamics of Change*. Sydney: Trans Pacific Press.
- Hazelkorn, E. (2011). *Rankings and the reshaping of higher education: The battle for world-class excellence*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Hudzik, J. (2015). *Comprehensive Internationalization: Institutional Pathways to Success*. New York: Routledge.
- Knight, J. (2003). *Internationalization of Higher Education Practices and Priorities*. Paris: International Association of Universities (IAU).
- Kuroda, K. (2016). Regionalization of higher education in Asia. In: *The Palgrave Handbook of Asia Pacific Higher Education*. Ed. by C. Collins, M. Lee, J. Hawkins, D. Neubauer. New York: Palgrave Macmillan, p. 141—156.
- Kuroda, K., Yuki, T. & Kang, K. (2014). The institutional prospects of cross-border higher education for East Asian regional integration: An analysis of the JICA survey of leading universities in East Asia. In: *Emerging international dimensions in East Asian higher education*. Ed. by A. Yonezawa, Y. Kitamura, A. Meerman & K. Kuroda. Dordrecht, Netherland: Springer, p. 55—79.

- Lawrence, P.A. (2008). Lost in publication: how measurement harms science. *Ethics in Science and Environmental Politics*, 8, 9—11.
- Macdonald, S., Kam, J., Aardvark et al. (2007). Quality journals and gamesmanship in management studies. *Journal of Information Science*, 33, 702—717.
- Mazurova, N.A. (2000). *Federal educational programs as an instrument of US foreign policy: 1936—1999* [dissertation]. St. Petersburg. (In Russian).
- Ota, H. & Horiuchi, K. (2017). How accessible are English-taught programs? Exploring international admissions procedures. In: *English-Medium Instruction in Japanese Higher Education*. Ed. by A. Bradford & H. Brown. Bristol: Multilingual Matters, p. 108—129.
- Patterson, G. (2005). Collaboration/competition crossroads: national/supranational tertiary education policies on a collision course. *Tertiary Education and Management*, 11 (4), 355—368.
- Scott, P. (2000). Globalization and University. *Alma Mater: Herald of Higher School*, 4, 3—8. (In Russian).
- Rose, H. & McKinley, J. (2017). Japan's English-Medium Instruction Initiatives and the Globalization of Higher Education. *Higher Education*, 75 (1), 1—19.
- Varshavsky, A. & Komkina, T. (2011). Assessing the Impact on the Citation Index Rankings of Universities. *Economy. Taxes. Low. Financial University under the Government of the Russian Federation*, 3, 94—100. (In Russian).
- Voeykova, O.B. & Lukianova, A.A. (2013). Globalization of Educational Sphere and its Influence of the National Systems of Higher Education. *Vestnik URFU*, 3, 159—167. (In Russian).
- Yonezawa, A. (2012). Challenge for top Japanese Universities when Establishing a New Global Identity: Seeking a New Paradigm after “World-Class”. In: *Institutionalization of World Class University in Global Competition*. Ed. by J.C. Shin & B.M. Kehm. Springer, p. 125—143. DOI: 10.1007/978-94-007-4975-7_8.
- Zhilina, L.V. (2015). Universities in Japan: Face to face to globalization. *Asia and Africa Today*, 3 (692), 19—24. (In Russian).

Received: 17.11.2017

For citations: Zhilina, L.V. (2019). Japanese Universities' Community in International Environment: Maneuvers or Heading Down? *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (1), 119—129. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-119-129.

About the author: Zhilina Larisa Vladimirovna — PhD in History, Associate Professor, Foreign Languages Department, Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia (e-mail: larissa-zhilina@yandex.ru).

© Жилина Л.В., 2019